

Информация для цитирования:

Лесова Х. Ж. Инициационный нарратив и травма депортации в романе Г. Бельгера «Дом скитальца» / Х. Ж. Лесова, Л. В. Сафронова, К. Б. Баймурзаева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 257—274. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-257-274.

Lessova, Kh. Zh., Safronova, L. V., Baimurzaeva, K. B. (2026). Initiatory Narrative and Trauma of Deportation in Gerold Belger's Novel "The House of Wandering". *Nauchnyi dialog, 15 (2): 257-274*. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-257-274. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Инициационный нарратив
и травма депортации
в романе Г. Бельгера
«Дом скитальца»**

Лесова Ханзада Жамбыловна ¹

orcid.org/0009-0000-6294-2341

докторант, преподаватель,
кафедра русского языка и литературы,
корреспондирующий автор

Zada_xan@mail.ru

Сафронова Людмила Васильевна ¹

orcid.org/0000-0003-0337-9418

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и литературы
dinass2002@mail.ru

Баймурзаева Карлыгаш Бексеговна ²

orcid.org/0009-0001-3837-5137

магистр педагогических наук,
старший преподаватель,
кафедра русского языка и литературы
chimgan_61@mail.ru

¹ Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

² Южно-Казахстанский исследовательский университет имени М. Ауэзова (Шымкент, Казахстан)

**Initiatory Narrative and
Trauma of Deportation
in Gerold Belger's Novel
“The House of Wandering”**

Khanzada Zh. Lessova ¹

orcid.org/0009-0000-6294-2341

Doctoral degree seeker, lecturer,
Department of Russian Language
and Literature,
corresponding author

Zada_xan@mail.ru

Lyudmila V. Safronova ¹

orcid.org/0000-0003-0337-9418

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language
and Literature
dinass2002@mail.ru

Karlygash B. Baimurzaeva ²

orcid.org/0009-0001-3837-5137

Master of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer, Department
of Russian Language
and Literature
chimgan_61@mail.ru

¹ Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

² M. Auezov South Kazakhstan Research University (Shymkent, Kazakhstan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено анализу романа Г. Бельгера «Дом скитальца», а именно – содержащимся в нем сюжету инициации и нарративу депортации. Целью исследования является реконструкция фазовой организации текста и описание механизмов формирования гибридной идентичности. В качестве исследуемого материала используется роман с автобиографической основой, применяются структурный и герменевтический анализ. Рассматривается воплощение в художественном тексте мотивов изменения ритуала перехода под воздействием травматического опыта. Проводится сопоставление композиции произведения с классической триадой «отделение — лиминальность — инкорпорация», известной философии культуры. Отмечается, что в финале романа происходит включение героя в новый правовой и культурно-языковой порядок, а лиминальность претерпевает трансформацию, становясь продолжительной. Показано, что композиционная триада «Давид — Христьян — Гарри» моделирует макроуровневый переход. Внутри частей реконструированы мини-триады. Хронотоп пороговых пространств (дорога, комиссии, спецкомендатура) и ономастико-правовые маркеры статуса (переименования, паспорт) интерпретируются как способы текстовой актуализации социальных ритуалов исключения и признания. Показано, что «дом» функционирует как семиотический центр интеграции, а «возвращение через слово» переводит опыт из коммуникативной в культурную память.

Ключевые слова:

Герольд Бельгер; сюжет инициации; депортация; травма; инкорпорация; идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study focuses on an analysis of Gerold Belger's novel *"The House of Wandering"*, specifically examining its initiatory narrative and deportation discourse. The primary objective is to reconstruct the phase structure of the text and describe mechanisms for forming hybrid identity. Using a work with autobiographical underpinnings as research material, structural and hermeneutic analyses are applied. The transformation of rites of passage motifs due to traumatic experience within the fictional context is explored. A comparison between the compositional structure of the novel and the classical cultural philosophy triad — "separation," "liminality," and "incorporation" — is conducted. It is noted that by the conclusion of the novel, the protagonist integrates into a new legal and linguistic-cultural order, while liminality undergoes transformation, becoming prolonged. The macro-level transition is modeled through the compositional triad "David-Hristian-Harry." Within these parts, mini-triads are reconstructed. Threshold chronotopes such as roads, commissions, and special commandants' offices, along with onomastic and legal markers of status like renamings and passports, are interpreted as textual representations of social rituals of exclusion and recognition. The functioning of the "house" as a semiotic center of integration is demonstrated, and the concept of "return through language" translates lived experiences from communicative memory into cultural memory.

Key words:

Gerold Belger; initiation plot; deportation; trauma; incorporation; identity.

Инициационный нарратив и травма депортации в романе Г. Бельгера «Дом скитальца»

© Лесова Х. Ж., Сафронова Л. В., Баймурзаева К. Б., 2026

1. Введение = Introduction

Сюжет инициации — одна из основных универсалий мировой словесности, восходящая к мифологическим, эпическим и фольклорным моделям перехода. Он формирует нарратив о предельных состояниях и трансформациях личности. В классической триаде «отделение — лиминальность — инкорпорация» инициация описывает не только смену социального статуса, но и режимы бытия и самоидентификации субъекта. В прозе о катастрофах XX века (войны, насильственные миграции, депортации) финальная фаза «возвращения» систематически проблематизируется и заменяется включением героя в новый правовой и культурно-языковой порядок (инкорпорацией).

Научная проблема данного исследования заключается в описании того, как травматический опыт депортации модифицирует механику ритуала перехода в романе. Рассматривается трансформация триады «отделение — лиминальность — инкорпорация» в «отделение — длительная лиминальность — инкорпорация», а также текстовые маркеры (сюжетные, хронологические, лексико-семантические), фиксирующие эти фазовые сдвиги.

Проверяются следующие положения:

1) модификация классической триады стабилизирует схему «отделение — длительная лиминальность — инкорпорация», где «возвращение» заменяется включением в новый правовой и культурно-языковой порядок.

2) завершение перехода обеспечивается юридическими ритуалами признания (снятие с учёта, паспорт) и институциональными посредниками (зачисление в вуз).

3) символические комплексы ДОМ, ДОРОГА / ГРАНИЦА, ИМЯ / ДОКУМЕНТ функционируют как маркеры фаз и механизмы перевода индивидуальной памяти в культурную.

Схожий подход к инициационному чтению прозы Г. Бельгера был применен к рассказу «Дедушка Сергали» [Лесова и др., 2025, с. 183—193];

роман «Дом скитальца» ранее не анализировался целостно в контексте инициации и травмы.

Теоретические основания исследования опираются на труды А. ван Геннепа, В. Тэрнера и М. Элиаде [ван Геннеп, 1999; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999]; инструментарием формально-структурного анализа сюжета и ролей служат разработки русской филологической школы (Е. М. Мелетинский; В. Я. Пропп) и семиотико-нарратологическая традиция (М. М. Бахтин; Ю. М. Лотман) [Мелетинский, 1983; Пропп, 1928; Бахтин, 1975; Лотман, 1970]. Исследования культурной памяти / постпамяти и гибридной идентичности задают продуктивную оптику для анализа травматических нарративов [Ассман, 2004; Bhabha, 1994; Hirsch, 2012]. Корпус работ о романе фокусируется на памяти, автобиографизме и межкультурном диалоге (включая архетип дома) [Ананьева, 2014; Зейферт, 2020; Поликультурная личность ..., 2015]; однако фазовая организация инициации не была специально реконструирована — данный пробел восполняется настоящей статьей.

Цель исследования заключается в выявлении специфики инициационного сюжета в романе и описании механизмов формирования гибридной идентичности героя в условиях депортации.

Методологическая основа включает два взаимодополняющих подхода: (а) структурный анализ (реконструкция фаз, функций, актантных распределений и их сопоставление с универсальными матрицами) [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016; Пропп, 1928]; (б) герменевтическую интерпретацию символических комплексов (дом, дорога / граница, имя / документ, память) с опорой на антропологию ритуала и исследования культурной памяти [Ассман, 2004].

Научная новизна заключается в первом системном прочтении «Дом скитальца» через призму инициации и травмы; в реконструкции триады с верификацией ее текстовых маркеров и обоснованием замещения функции «возвращения» инкорпорацией; в описании архетипических и символических инвариантов (ДОМ, ИМЯ / ДОКУМЕНТ, ДОРОГА / ГРАНИЦА), структурирующих депортационный нарратив; а также в демонстрации механизма «возвращения через слово» как культурного способа завершения перехода.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, уточнением модели инициации применительно к нарративам насильственных миграций и длительной лиминальности; с другой — анализом символических комплексов, переводящих частную биографию в регистр культурной / коллективной памяти [Ассман, 2004; Hirsch, 2012], включая концепцию гибридной идентичности [Bhabha, 1994]. Практическая значимость заклю-

чается в применимости результатов в университетских курсах по теории литературы и нарратологии, а также в потенциале сопоставительных исследований депортационных нарративов.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Материалом исследования служит роман Герольда Бельгера «Дом ски-талца», автобиографически мотивированное повествование о депортации поволжских немцев и их жизни в Казахстане, представленное в форме триединой композиции «Давид — Христьян — Гарри» [Бельгер, 2007]. Выбор данного текста обоснован его двойной репрезентативностью: с одной стороны, он является художественным свидетельством коллективной травмы и «долгой лиминальности», а с другой — прозой, в которой последовательно реализуется механизм инициации, изменяющий классическую триаду отделение — лиминальность — возвращение [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999]. Цель работы — реконструировать инициационный каркас романа, определить текстовые маркеры фаз (сюжетные узлы, хронопопические и лексико-семантические индикаторы) и показать, как «возвращение» системно заменяется инкорпорацией, а также какие символические комплексы (дом, граница / дорога, имя / документ, память / слово) обеспечивают переход от индивидуального опыта к культурной памяти.

В качестве методологической основы выбраны два взаимодополняющих подхода, что обеспечивает концептуальную цельность исследования и строгую операционную аналитику. Во-первых, применяется структурный анализ в русской формально-структурной традиции: на уровне фабулы и композиции выявляются устойчивые «узлы» и актантные распределения, сопоставимые с морфологическим каркасом сюжета (иницирующие испытания, блок пороговых ситуаций, модифицированная завершающая фаза) [Греймас, 2004; Пропп, 1928]. Подчеркивается, что перенос на прозаический текст «31 функции» действующих лиц, выделенных В. Я. Проппом в книге «Морфология волшебной сказки» (инвариантные звенья сюжетного развертывания волшебной сказки, от «отлучки» и «запрета / нарушения» до финальных функций «наказания» и «свадьбы / воцарения», задающие морфологический каркас повествования), не является механическим; задача заключается в описании инвариантных ролей и их смещений в депортационном нарративе, а также в соотношении локальных решений с хронопопами порога и пути. Во-вторых, используется герменевтическая интерпретация символических комплексов — дома, дороги / границы, имени / документа, памяти / слова — с опорой на антропологию ритуала, исследования культурной памяти и постпамяти [Ассман, 2004; Камалова, 2025; Hirsch, 2012]. Так же герменевтически рассматривается

постколониальная оптика репрезентации «другого» [Said, 1978] и концепт третьего пространства гибридной идентичности [Bhabha, 1994]. Эти подходы позволяют трактовать «границу» и «документ» как дискурсивные инструменты маркирования и иерархизации субъекта депортации, а также как зону переговоров, мимикрии и амбивалентности. Такая двойная оптика обеспечивает баланс формы и смысла: композиционно-морфологические наблюдения проверяются интерпретацией символики, а интерпретации основаны на воспроизводимых структурных опорах.

Рабочая процедура включает: (а) выделение эпизодов, коррелирующих со стадиями перехода; (б) сопоставление реконструкции с универсальными моделями (А. ван Геннеп; Дж. Кэмпбелл) в качестве проверочных матриц; (в) учет так называемых «негативных случаев» (прерванная инициация в линии Христьяна) для стресс-теста инварианта; (г) точечный лексико-семантический контроль узловых единиц («дом», «граница», «имя», «паспорт», «память»), выделенных из цитат романа; (д) выявление индикаторов третьего пространства в пограничных эпизодах — признаков гибридизации, мимикрии и амбивалентности — с сопоставлением этих признаков с актантными смещениями и дискурсивным маркированием субъекта (граница / документ) на уровне оппозиций «свой / чужой», «дом / не-дом», «включение / исключение», «гражданин / негражданин» [Bhabha, 1994; Said, 1978].

Операциональными индикаторами выступают для «границы / дороги» — граница, порог, путь, дорога, эшелон, этап, комендантский час; для «имени / документа» — имя, паспорт, справка, удостоверение, учет, спецпоселенец; для «дома» — дом, кров, очаг, крыша, родной; для «памяти / слова» — память, вспоминать, молчание, рассказ, слово, язык.

Анализ универсальных моделей перехода и лиминальности основывается на классических работах А. ван Геннепа, В. Тэрнера и М. Элиаде [ван Геннеп, 1999; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999], тогда как инструментарий описания сюжетно-ролевой организации прозаического текста разработан в русской формально-структурной и структуралистской традиции [Греймас, 2004; Мелетинский, 1983; Пропп, 1928]. Исследования культурной памяти и постпамяти предоставляют продуктивную оптику для анализа травматических нарративов как «перевода» индивидуального опыта в коллективный регистр [Ассман, 2004; Hirsch, 2012]. Постколониальная теория дополняет этот ракурс категориями репрезентации «другого» и гибридной идентичности (третьего пространства) [Bhabha, 1994; Said, 1978], что актуально для хронотопа границы и депортационного опыта. В близком тематическом поле для русскоязычной прозы отмечены работы об архетипе дома и репрезентациях депортационного опыта [Афанасьева, 2017; Демченко, 2018], формирующие контекст символической интерпретации.

В отличие от указанных ракурсов данное исследование предлагает целостную реконструкцию структуры романа Бельгера, базирующейся на сюжете инициации героев, с верификацией фаз и их текстовых маркеров; этот аспект ранее не был систематически описан.

Методика структурно-герменевтического анализа художественного текста, в котором актуализирована связь «инициации» и «травмы», ранее применялась к малой форме Бельгера [Лесова и др., 2025]; рассказу И. Одегова и сказкам Л. Калаус [Safronova et al., 2023; 2025], а в настоящей статье она масштабирована на роман и уточнена через хронотоп порога и ритуалы признания.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Историко-концептуальная и биографическая рамка создания романа

Исторической рамкой романа Г. Бельгера «Дом скитальца» является депортация поволжских немцев 1941 года, которая создала длительное состояние пограничности и запустила описанные в тексте механизмы перехода. Правовую основу этого процесса составляет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 4, д. 49, л. 151—152].

Ключевым понятием в аналитической оптике статьи является инициация — ритуально организованный переход, который приводит к онтологическому изменению статуса субъекта. Классическая структура инициации описывается триадой отделение — лиминальность — возвращение. Эта рамка позволяет показать, как насильственное переселение переводит утрату «дома» в структуру предельного жизненного перехода.

Биография автора тесно связана с указанной историей. Герольд Карлович Бельгер (1934—2015) — писатель, публицист и переводчик немецкого происхождения, чье детство прошло в условиях депортации: семья была переселена в Казахстан в 1941 году, а дальнейшее формирование личности происходило в многоязычной (немецко-казахско-русской) среде. Роман «Дом скитальца» (2007), посвященный отцу, выстроен как автобиографически мотивированное свидетельство с композиционной триадой «Давид — Христьян — Гарри», где универсальная схема перехода получает специфическую модификацию: финальная стадия «возвращения» последовательно реализуется как инкорпорация в новый правовой и культурно-языковой порядок. Третья глава («Гарри») носит автобиографический характер: герой является авторской проекцией и отражает личный опыт Бельгера, что существенно для трактовки финальной стадии как «возвращения через слово» [Бельгер, 2007; Поликультурная личность..., 2015].

3.2. Композиционная модель инициации: макро- и микроуровень

Роман представляет двуслойную модель ритуала перехода. На макроуровне триада центральных героев романа, по имени которых названы его части, «Давид — Христьян — Гарри», соотнесена с фазами отделения — лиминальность — инкорпорация в контексте классической схемы [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016; Тэрнер, 1983; Элиаде, 1999]. Образ «Давида» структурирован по модели вынужденного отделения (депортация, утрата статуса) с первичной стабилизацией через служение общине; образ «Христьяна» фиксирует затянутую лиминальность (жизнь «на пороге», молчание как форма вытеснения травмы) без позитивной реинтеграции; образ «Гарри» представляет возвращение / инкорпорацию — это не «возврат домой», а вхождение в новый правовой и культурно-языковой порядок (образование, паспорт, публичный голос). Схематизация макроуровня представлена в табл. 1.

Таблица 1

Макромодель инициации в романе (классическая триада I—III)

Macro-Level Model of Initiation in the Novel (Classical Triad I—III)

Фаза (классическая модель)	I. Отделение	II. Лиминальность	III. Инкорпорация
Часть романа	«Давид»	«Христьян»	«Гарри»

Таблица 1 демонстрирует, что композиция романа соответствует инициационному типу нарратива: функции фаз распределены по трем частям, формируя непрерывную динамику становления героя. На микроуровне аналогичная логика проявляется в ключевых пороговых эпизодах (см. таблицу 2).

Данные таблицы демонстрируют повторяемость триады на микроуровне привариативного финала: срыв интеграции в «Христьян» и институциональная инкорпорация в «Гарри». Это приводит к модификации классической матрицы перехода (по ван Геннепу и Тэрнеру) в соответствии с логикой травматического нарратива: «возвращение» понимается как вхождение в новый правовой и культурно-языковой порядок, а не как репатриация прошлого.

3.2.1. «Давид»: отделение, лиминальность и инкорпорация

Глава «Давид» воспроизводит классическую триаду инициации в историко-травматическом контексте депортации, при этом «возвращение» реализуется как укоренение на новом месте.

ОТДЕЛЕНИЕ. Иницирующий разрыв отмечен сочетанием исторического и биографического планов: указ о выселении и «тотальная депорта-

Таблица 2

Микроуровень внутренних триад романа
Micro-level Structure of the Novel's Internal Triads

Глава \ Стадия	I. Отделение	II. Лиминальность	III. Инкорпорация
«Давид»	депортация; утрата дома / статуса; разрыв семейных связей	трудармия, бесправие («вторичное отделение»); пороговые ситуации служения и выживания	коллективное прошение аула о возвращении фельдшера; совместная постройка дома; признание общиной (укоренение)
«Христьян»	ретроспективная высылка / лагерь; утрата здоровья	молчание; «жизнь на пороге»; социальная невключенность; отсутствие роли / статуса в общине	финальная фаза редуцирована (прерванная инициация); тихая смерть без интеграции
«Гарри»	экзистенциальное отделение (инаковость); отказы при поступлении и оформлении документов	«невидимый барьер» (неопределенный статус); поиск «своего» языка и пути; пороговые испытания взросления (границы, голос / молчание)	институциональное признание: зачисление; снятие с учёта; получение паспорта; «возвращение через слово» (публичное свидетельство: письмо, память)

ция <...> в черные сентябрьские дни» [Бельгер, 2007, с. 83], за которыми следует «последний эшелон <...> в Сибирь и Казахстан» [Там же, с. 93—94]. Личное измерение отделения усиливается актом переименования сына: «Арношку <...> переименовал вдруг в “Алешку”» [Там же, с. 118].

ЛИМИНАЛЬНОСТЬ. Пороговая фаза представляет собой череду испытаний и бесправия: «Он долго читал ее, <...> будто не веря своим глазам» (о повестке в трудовую армию) [Там же, с. 97]. Показателен «вторичный порог» — временное изъятие героя из привычной социальной среды и возвращение по коллективному прошению аулов («... в райком и райвоенкомат посыпались письма с просьбой вернуть им фельдшера Эрлиха»), где роль «помощника» приобретает коллективный характер [Там же, с. 112].

ИНКОРПОРАЦИЯ. Завершение главы оформляет не возврат, а признание и включение: совместная постройка дома становится материальным символом интеграции: «Домом был заполнен мир» [Там же, с. 329]. Таким образом, финальная функция классической схемы реализуется как устойчивое укоренение в новом социокультурном порядке.

Схема «отделение — лиминальность — инкорпорация» выдержана, но финальная функция «возвращения» заменена устойчивой интеграцией; «вторичный порог» (призыв → прошение → возвращение) превращает служение в ресурс статуса: община выступает иницирующим посредником. Ключевой символ — дом как семиотический центр инкорпорации [Демченко, 2018, Афанасьева, 2017].

3.2.2. «Христьян»: прерванная инициация и семантика молчания

Глава «Христьян» намеренно редуцирует классическую трехфазную модель инициации: отделение (депортация, переселение) и испытание (лагерь, болезнь) остаются в предыстории героя, тогда как финальная фаза (возвращение / инкорпорация) не наступает. В терминах ритуала перехода это устойчивое пребывание в лиминальной фазе (пороговом состоянии) без закрепления нового социального статуса [Тэрнер, 1983].

Повествовательная манера подчеркнута сдержанна; герой представлен краткими, «обезличенными» штрихами — «тихий, замкнутый, учился легко, увлеченно» — уже на исходе жизненного пути [Бельгер, 2007, с. 204], что усиливает эффект неизреченности пережитого опыта.

Знаковым маркером сопротивления растворению выступает сохраненное имя на фоне практики вынужденных переименований депортированных («Дитрих — Дмитрий», «Фриц — Федор», «Вильгельм — Василий» и др.) [Бельгер, 2007, с. 152]. Имя «Христьян» с его христианскими коннотациями терпения и смирения фиксирует минимальное, но принципиальное ядро самоидентификации, не конвертированное в признанный статус.

Кульминация — тихая смерть — фиксирует срыв финальной фазы: ритуал остается незавершенным, а лиминальность превращается в длительный режим существования. Функция этой части в макрокомпозиции — задать поле молчания, на котором травма одного поколения артикулируется другим. В этих условиях происходит переход от «коммуникативной» к «культурной» памяти [Ассман, 2004]; одновременно активизируется режим постпамяти, когда поколение потомков присваивает и транслирует опыт предков [Hirsch, 2012].

«Христьян» моделирует прерванную инициацию — отделение и испытания уже совершились, но инкорпорация не наступает; семантика молчания структурирует последующее «возвращение через слово» в части «Гарри».

3.2.3. «Гарри»: возвращение через слово и институциональное признание

Образ Гарри воспринимается как автобиографическая проекция автора: его школьная и вузовская траектории совпадают (казахская школа;

зачисление в КазПИ им. Абая при ректорстве Героя Советского Союза М. Габдуллина на специальность «русский язык и литература»). В его жизни также присутствуют эпизоды отказов «по происхождению» и финальное снятие с учета в спецкомендатуре с получением паспорта [Бельгер, 2007, с. 268, 347, 379]. Это создает режим свидетельства и служит еще одним средством, переводящим частную биографию в регистр культурной памяти [Ассман, 2004; Hirsch, 2012].

Для Гарри «исход» имеет статусный, а не географический характер: «...из года в год, из месяца в месяц подчеркивать, что ты не такой <...> будто должен до гроба <...> оправдываться за некую изначальную вину» [Бельгер, 2007, с. 247]. Стигма «чужого» формирует «начальную фазу отделения» — в терминах ритуала перехода [ван Геннеп, 1999].

Пороговая полоса проявляется как серия институциональных барьеров, несмотря на очевидную академическую успешность. В школе Гарри ожидал получения «золотой медали», которая «не состоялась» по внекритериальным причинам [Бельгер, 2007, с. 268, 276]. На вступительных экзаменах в Караганде экзаменатор «...в конце концов вывел ему в экзаменационном листе “отлично”», однако затем последовало исключение «представителей наций-изгоев» [Там же, с. 316, 318].

Характерен эпизод «символической смерти» и «возврата без статуса»: после неудачи в Караганде герой на время возвращается в аул и работает, оставаясь формально вне высшей школы и под надзором спецкомендатуры. Между выпуском и зачислением траектория Гарри специально «скомпонована как серия «лиминальных зигзагов»: экзамены → исключение «по происхождению» → посредничество → зачисление — сознательная композиция порогов, углубляющая опыт «между» [Тэрнер, 1983].

Перелом обеспечивают фигуры этико-институционального посредничества. Несмотря на поддержку ректора КазПИ (1953–1963), Героя Советского Союза (1943), учёного-педагога, писателя, действительного члена АПН СССР (1959), доктора филологических наук, профессора (1959) Малика Габдуллина (казахский советский), решающим становится звонок второго секретаря ЦК комсомола Казахстана Анатолия Фёдоровича Шалова: «<...> Сдал все отлично, но не принимают <...> Помогите. Дай распоряжение <...> ссылайся на меня» [Бельгер, 2007, с. 347]. В терминах инициационного нарратива это функция «помощника / проводника», посредника, который переводит лиминала через порог к новому статусу [ван Геннеп, 1999; Кэмпбелл, 2016].

Завершение перехода оформляется юридически и символически. Во-первых, включение в образовательный институт (КазПИ им. Абая) фиксирует новое социальное место. Во-вторых, правовое признание завершается

снятием с учета и выдачей документа: *Я счастлив. С учета комендантуры снят. И паспорт получил. Вот!* [Бельгер, 2007, с. 379]. Паспорт в поэтике романа — это не просто «бытовая деталь», а юридическое завершение инициации, переводящее героя из контролируемого «вне» в статус признанного «внутри» правового порядка.

В отличие от линии Давида (укоренение через труд) и фигуры Христьяна (срыв финала), «возвращение» Гарри осуществляется **через слово**: филологическое образование, письмо и публичное свидетельство конвертируют травматический опыт в культурную память. Принципиально, что имя героя не подвергается маскирующим трансформациям (на фоне практик «Дитрих — Дмитрий», «Фриц — Федор» и др.): сохраненное имя фиксирует ядро самоидентичности и переносит центр признания из биографии в дискурс [Бельгер, 2007, с. 152].

Линия Гарри демонстрирует модифицированную триаду «отделение → длительная лиминальность → возвращение», где финал мыслится не как репатриация, а как институциональное и правовое оформление включения, дополненное символической «реабилитацией» через язык и авторский голос. Наличие «посредников порога» и статусных ритуалов (зачисление, паспорт) подтверждает, что в контексте депортационной травмы завершение инициации обеспечивается не архаическим обрядом, а процедурами современной бюрократии, выполняющими ту же структурную функцию перехода.

3.3. Хронотоп скитания: пороговые пространства и длительная лиминальность

Роман структурирован вокруг хронотопа перехода: дорога, станция, барак, аул, райвоенкомат, приемные комиссии, спецкомендатура образуют сеть пороговых пространств, в которых герои лишены стабильного статуса и времени «пребывания». Время воспринимается как ожидание и неопределенность, «подвешенное состояние» [Тэрнер, 1983]. Иницирующий эпизод депортации задает начальный вектор хронотопа (*черные сентябрьские дни*) [Бельгер, 2007, с. 83]; далее пороговые точки обозначаются бюрократическими и дисциплинарными узлами: повестка в трудовую армию [Там же, с. 97], статус спецпоселенца и контроль спецкомендантуры, снятие с учета (как акт правового признания) [Там же, с. 379].

В пространстве степи аул становится амбивалентным топосом: изначально это чужое, транзитное место, которое затем преобразуется в матрицу укоренения через труд и солидарность (дом Давида как семиотический центр) [Бельгер, 2007, с. 329]. Пороговые локации советской действительности (экзаменационные комиссии, ведомственные кабинеты) пространственно и функционально воспроизводят «границу допуска / исключения»

(например, «отлично» в экзаменационном листе при последующем исключении по «происхождению») [Там же, с. 316—318]. Таким образом, хронотоп романа сочетает *линейную дорогу* (миграцию) и *узловые пороги* (институциональные точки доступа), что соотносится с бахтинским хронотопом дороги / порога [Бахтин, 1975].

На уровне временной организации длительная лиминальность проявляется как многолетний режим «между»: биографические фазы героев не формируют классическую дугу «возврат в прежний порядок», а завершаются инкорпорацией в иной правовой и культурный режим (паспорт, образование, публичное слово). Память (индивидуальная и семейная) структурирует это растянутое время, превращая «скитание» в нарратив памяти и задавая ритм реминисценций / свидетельств [Ассман, 2004].

3.4. Дом как семиотический центр идентичности

В анализируемом тексте дом одновременно выполняет функции бытового локуса и семиотического центра формирования идентичности после травматического разрыва. Утрата дома символизирует первичную десемантизацию мира (фаза *отделения*), а коллективное строительство нового дома у Давида — переход к *инкорпорации* через социальное признание [Бельгер, 2007, с. 329]. На уровне культурной модели это соответствует архетипической функции «центра»/«очага», который представляет «свой мир» и задает нормативную картографию пространства [Элиаде, 1999]. В русскоязычной литературе Казахстана архетип дома является устойчивым маркером самоидентификации и принадлежности, что согласуется с наблюдениями по корпусу региональной прозы [Афанасьева, 2017].

В романе образ дома организует многоуровневую символику: (1) материальный уровень (крыша / очаг как минимальная защита, восстановление повседневности); (2) социальный уровень (общинная солидарность, «совместное строение» как ритуал принятия в новый круг) [Бельгер, 2007, с. 329]; (3) ментальный уровень, соотносительный с мемориальными мотивами (интеграция семейной памяти в новое место, «перенос центра»). Вплетение дома в память переводит его в регистр культурной и коммуникативной памяти, где локус становится носителем коллективного опыта и «якорем» повествования [Ассман, 2004; Hirsch, 2012]. Таким образом, дом в «Доме скитальца» — это не символ «возврата» к прежнему, а материализованная инкорпорация: новая точка устойчивости внутри иного правового и культурно-языкового порядка.

3.5. Имя, документ и правовой статус: ритуалы признания

Ономастическое измерение романа (снятие / смена имени, переименование, документирование имени) является ключевым индикатором статуса в процессе перехода. Переименования трудармейцев («Дитрих — Дми-

трий», «Фриц — Федор» и т. п.) демонстрируют негативную модификацию ритуала «второго рождения»: это не присвоение нового имени как знака зрелости, а маскирующее отречение от прежней идентичности под давлением внешней нормы [Бельгер, 2007, с. 152]. Случай переименования внука («Арнольд / Арношка» → «Алеша») символизирует исключение отца из родовой памяти — ритуал «анти-признания» внутри семейного круга [Там же, с. 118]. В координатах ритуалистики это не классическое инициирование, а инверсия: принудительное изменение знака идентичности без последующей позитивной инкорпорации [ван Геннеп, 1999; Элиаде, 1999].

Отдельный тип представляет линия Есильбая (урожденного Егора). Сначала фиксируется экзоэтноним *урус* (разг. казах. со значением «русский»), затем следует топонимическая номинация *Есильбай* (по месту находки у реки Есиль), а далее — религиозная инкультурация («его *омусульманили...*») [Бельгер, 2007, с. 81]. Эта последовательность — от внешнего именованья к локальной топонимической маркировке и религиозно-правовому включению — моделирует «инкорпорацию ценой растворения»: субъект принимает новую идентичность, теряя предшествующее «я».

В противоположность этому документ (паспорт) в финале линии Гарри выполняет функцию юридической инкорпорации (включения) — формализованного признания личности и ее допуска в правовой порядок: «... с учета комендатуры снят <...> паспорт получил» [Бельгер, 2007, с. 379]. Между этими полюсами располагаются институциональные пороги: экзаменационные комиссии, ведомственные кабинеты, «решения к допуску / исключению», где имя / фамилия и «происхождение» выступают фильтрами статуса (успешные ответы при последующем отчислении «по происхождению») [Там же, с. 316, 318]. Эти сцены представляют собой пороговые бюрократические ритуалы, заменяющие традиционные обряды перехода и структурирующие движение субъекта от длительной лиминальности к инкорпорации (или к ее срыву).

ИМЯ и ДОКУМЕНТ в романе — не «детали быта», а ритуальные маркеры признания / исключения. Переименование (маскировка) усиливает режим «между» или ведет к растворению прежнего «я», тогда как паспорт фиксирует «возвращение через право», то есть завершение перехода в форме включения в новый социальный порядок.

4. Заключение = Conclusions

В данной статье показано, что роман «Дом скитальца» организован как вариативная инициация, в которой классическое «возвращение» систематически заменяется инкорпорацией в новый правовой и культурно-языковой порядок. Композиционная триада глав романа («Давид» — «Хри-

стьян» — «Гарри») структурирует фазы перехода между поколениями, а внутри каждой части воспроизводится собственная микроструктура ритуала. Лиминальность выступает не кратковременным мостом, а устойчивым режимом существования, поддерживаемым институциональными «порогами» бюрократии.

Выделяются два ключевых маркера признания: **дом** как семиотический центр укоренения (интеграция через труд и солидарность) и **имя / документ** как индикаторы статуса (инверсия инициационного «второго рождения» в практиках переименования и, напротив, юридическое признание в финале линии Гарри). Динамика «молчания / голоса» переводит частную биографию в регистр культурной памяти: «Христьян» фиксирует прерванную инициацию, тогда как «Гарри» осуществляет «возвращение через слово».

Новизна данного исследования заключается в структурной реконструкции модифицированной инициационной модели для депортационного нарратива и связывании формальных узлов (фазы, пороги, посредники) с символическими комплексами (дом, дорога / граница, имя / документ). Методологически продуктивным для анализа романа оказался тандем структурного и герменевтического анализа. В перспективе корпус изучаемых текстов планируется расширить для получения комплексных выводов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Бельгер Г. К.* Дом скитальца / Г. К. Бельгер. — Алматы : Паритет, 2007. — 384 с. — ISBN 9965-770-49-2.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-7523 (Президиум Верховного Совета СССР). Оп. 4. Д. 49. Л. 151—152.
3. *Указ Президиума Верховного Совета СССР* «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 28.08.1941 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). — Режим доступа : <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1311237> (дата обращения 06.05.2025).

Литература

1. *Ананьева С. В.* Великий немец Великой степи : О Герольде Бельгере / С. В. Ананьева. — Алматы : Библиотека Олжаса, 2014. — 198 с. — ISBN 978-601-7315-60-3.
2. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.

3. *Афанасьева А. С.* Архетип «дом» в русскоязычной литературе Казахстана / А. С. Афанасьева // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. — 2017. — № 3. — С. 483—492. — DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483-492.
4. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
5. *ван Геннеп А.* Обряды перехода / А. ван Геннеп ; пер. с фр. Ю. Е. Ивановой, Л. В. Покровской. — Москва : «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с. — ISBN 5-02-018038-6.
6. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас ; пер. с фр. Л. Зиминой. — Москва : Академический проект, 2004. — 368 с. — ISBN 5-8291-0440-7.
7. *Демченко А.* Методические приемы анализа архетипа «дом» в романах Г. Бельгера / А. Демченко // Вестник. Серия «Педагогические науки». — 2018. — Т. 56. — № 3. — С. 86—93.
8. *Зейферт Е.* Депортация советских немцев глазами ребёнка в повести : опыт рефлексии и авторефлексии (на материале хрестоматии литературы российских немцев «В воздухе растет колокольня из звуков») / Е. Зейферт // Керуен. — 2020. — № 66 (1). — С. 112—120. — DOI: 10.53871/2078-8134.2020.1-02.
9. *Зейферт Е.* «Дом скитальца» Герольда Бельгера : книга-музей / Е. Зейферт // Нива. — 2005. — № 6. — С. 127—131.
10. *Камалова С. Д.* Постколониальный ответ в художественной литературе : предпосылки возникновения и языковые особенности / С. Д. Камалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — № 2. — С. 613—624. — DOI: 10.30853/phil20250088.
11. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. — Санкт-Петербург : Питер, 2016. — 352 с. — ISBN 978-5-496-01865-4.
12. *Лесова Х. Ж.* Сюжет инициации в рассказе Г. Бельгера «Дедушка Сергали» : структура, символика и историко-культурный контекст / Х. Ж. Лесова, Л. В. Сафронова // Вестник университета Яссави. — 2025. — № 3 (137). — С. 183—193. — DOI: 10.47526/2025-3/2664-0686.243.
13. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 387 с.
14. *Мелетинский Е. М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов / Е. М. Мелетинский // Ученые записки Тартуского государственного университета. — 1983. — Вып. 635. — С. 115—125.
15. *Поликультурная личность* Герольда Бельгера в потоке национальных языков и литератур : материалы вузовской конференции, посвящённой творчеству современного казахстанского поликультурного писателя Герольда Бельгера (Костанай, 2 марта 2015 г.) / отв. ред. А. М. Кусаинова. — Костанай : Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2015. — 182 с. — ISBN 978-601-7463-75-5.
16. *Пропп В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Academia, 1928. — 152 с.
17. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / В. Тэрнер. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.
18. *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде ; пер. с фр. Г. А. Гельфанд. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. — 356 с. — ISBN 5-79140048-9.

19. *Bhabha H. K. The Location of Culture* / H. K. Bhabha. — London — New York : Routledge, 1994. — 285 p. — ISBN 0-415-01635-5.

20. *Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust* / M. Hirsch. — New York : Columbia University Press, 2012. — 320 p. — ISBN 9780231156530.

21. *Safronova L. V. Mythopoetics of Transition in Women's Prose in Kazakhstan (Based on the Works of Lili Kalaus)* / L. V. Safronova, E. T. Zanyzbekova, Zh. M. Ryssaldiyev // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. — 2025. — № 18(1). — Pp. 56—69.

22. *Safronova L. Narcistična motnja likov v prozi Ilje Odegova Characters' Narcissistic Disorder in the Works of Ilya Odegov* / L. Safronova, B. Baizhigit // Slavistična revija. — 2023. — № 71 (1). — Pp. 29—42. — DOI: 10.57589/srl.v71i1.4032.

23. *Said E. Orientalism* / E. Said. — New York : Pantheon Books, 1978. — 369 p. — ISBN 0-394-74067-X.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025,
одобрена после рецензирования 06.02.2026,
подготовлена к публикации 21.02.2026.

Material resources

Belger, G. K. (2007). *The House of the wanderer*. Almaty: Parity. 384 p. ISBN 9965-770-49-2. (In Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On the resettlement of Germans living in the Volga region”. 28.08.1941. *The Electronic Library of Historical Documents (EBID)*. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1311237> (accessed 06.05.2025). (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. R-7523 (Presidium of the Supreme Soviet of the USSR). Op. 4. 49. L. 151—152*. (In Russ.).

References

Afanasyeva, A. S. (2017). The archetype “house” in the Russian-language literature of Kazakhstan. *Bulletin of the RUDN University. Series: Educational issues: languages and specialty*, 3: 483—492. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483-492. (In Russ.).

Ananyeva, S. V. (2014). *The Great German of the Great Steppe: About Gerold Belger*. Almaty: Olzhasa Library. 198 p. ISBN 978-601-7315-60-3. (In Russ.).

Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 504 p. (In Russ.).

Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London — New York: Routledge. 285 p. ISBN 0-415-01635-5.

Campbell, J. (2016). *The Thousand-faced Hero*. Saint Petersburg: Peter. 352 p. ISBN 978-5-496-01865-4. (In Russ.).

Demchenko, A. (2018). Methodological techniques for analyzing the archetype “house” in the novels of G. Belger. *The messenger. The series “Pedagogical sciences”*, 56 (3): 86—93. (In Russ.).

- Eliade, M. (1999). *Secret societies. Rites of initiation and initiation*. Saint Petersburg: University Book. 356 p. ISBN 5-79140048-9. (In Russ.).
- Greimas, A. J. (2004). *Structural semantics: The search for a method*. Moscow: Academic Project. 368 p. ISBN 5-8291-0440-7. (In Russ.).
- Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia University Press. 320 p. ISBN 9780231156530.
- Kamalova, S. D. (2025). Postcolonial response in fiction: prerequisites for the emergence and linguistic features. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 18 (2): 613—624. DOI: 10.30853/phil20250088. (In Russ.).
- Kusainov, A. M. (ed.). (2015). *The multicultural personality of Gerold Belger in the flow of national languages and literatures: materials of the university conference dedicated to the work of the modern Kazakhstani multicultural writer Gerold Belger (Kostanay, March 2, 2015)*. Kostanay: Kostanay branch of FSBEI HPE ChelISU. 182 p. ISBN 978-601-7463-75-5. (In Russ.).
- Lessova, Kh. Zh., Safronova, L. V. (2025). The initiation plot in G. Belger's short story "Sergali's Grandfather": structure, symbolism and historical and cultural context. *Bulletin of the University of Yassavi*, 3 (137): 183—193. DOI: 10.47526/2025-3/2664-0686.243. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text*. Moscow: Iskusstvo Publ. 387 p. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (1983). Semantic organization of mythological narrative and the problem of creating a semiotic index of motives and plots. *Scientific Notes of Tartu State University*, 635: 115—125. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1928). *The morphology of the folktale*. Leningrad: Academia. 152 p. (In Russ.).
- Safronova, L., Baizhigit, B. (2023). Narcistská motnja likov v prozi Ilje Odegova characters' narcissistic disorder in the works of Ilya Odegov. *Slavistična Revija*, 71(1): 29—42. DOI: 10.57589/srl.v71i1.4032.
- Safronova, L. V., Zanyzbekova, E. T., Ryssaldiyev, Zh. M. (2025). Mythopoetics of transition in women's prose in Kazakhstan (based on the works of Lili Kalas). *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 18(1): 56—69.
- Said, E. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books. 369 p. ISBN 0-394-74067-X.
- Seifert, E. (2005). "The Wanderer's House" by Gerold Belger: a museum book. *Niva*, 6: 127—131. (In Russ.).
- Seifert, E. (2020). The deportation of Soviet Germans through the eyes of a child in a story: the experience of reflection and self-reflection (based on the textbook of literature of Russian Germans "A bell tower of sounds grows in the air"). *Keruen*, 66 (1): 112—120. DOI: 10.53871/2078-8134.2020.1-02. (In Russ.).
- Turner, V. (1983). *Symbol and ritual*. Mosco: Nauka Publ. 277 p. (In Russ.).
- Van Gennep, A. (1999). *Rites of passage*. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 198 p. ISBN 5-02-018038-6. (In Russ.).

*The article was submitted 10.10.2025;
approved after reviewing 06.02.2026;
accepted for publication 21.02.2026.*